

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОЦЕНКА ВОЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЛА ДРУГИХ СТРАН: РОЛЬ АВТОРИТАРИЗМА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

О.А. ГУЛЕВИЧ, А.Н. НЕВРЮЕВ

Гулевич Ольга Александровна — профессор департамента психологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальной и поведенческой экономики НИУ ВШЭ, доктор психологических наук.
Контакты: goulevitch@mail.ru

Неврюев Андрей Николаевич — аспирант департамента психологии НИУ ВШЭ.

Резюме

Международные конфликты происходят на протяжении всей истории человечества и приводят к серьезным экономическим и политическим последствиям. Стремясь защитить свои интересы, руководители стран используют разные способы взаимодействия: от мирных переговоров до военных действий. В психологических исследованиях уделяется большое внимание факторам, оказывающим влияние на поддержку военного вмешательства в дела других стран как способа разрешения международных конфликтов. Однако данные исследования обладают двумя основными ограничениями. Во-первых, в них рассматриваются аттитюды к военному вмешательству своей страны (ингруппы), но не к аналогичным действиям других стран (аутгрупп). Во-вторых, в качестве основного предиктора аттитюдов к военному вмешательству изучается авторитаризм, но не национальная идентификация. В данном исследовании были рассмотрены два пути формирования аттитюдов к военному вмешательству в дела других стран. В соответствии с теорией авторитарной личности мы предположили, что вера в опасный мир предсказывает уровень авторитариз-

ма, который, в свою очередь, предсказывает отношение к военному вмешательству своей страны (ингруппы) и других стран (аутгрупп). В то же время в соответствии с теорией социальной идентичности мы предположили, что вера в добрый мир предсказывает силу национальной идентификации, которая, в свою очередь, также предсказывает attitudes к использованию военной силы для разрешения международного конфликта. В исследовании приняли участие 844 жителя России. Они заполняли онлайн-версию опросника, который включал в себя шкалы для измерения веры в опасный и добрый мир, правого авторитаризма, национальной идентификации, а также attitudes к вводу на территорию Украины войск России, ООН и НАТО. Для проверки гипотез использовались моделирование структурными уравнениями. Результаты исследования подтвердили выдвинутые гипотезы. Они показали, что чем больше россияне верили в опасный мир, тем выше был уровень авторитаризма. Чем больше они верили в добрый мир, тем выше был уровень национальной идентификации. Чем выше был уровень авторитаризма и национальной идентификации, тем больше они поддерживали введение на Украину российских войск и тем меньше — войск ООН и НАТО.

Ключевые слова: attitudes к войне, вера в добрый мир, вера в опасный мир, авторитаризм, национальная идентификация.

Международные конфликты — конфликты, в которых принимают участие несколько стран, — происходят на протяжении всей истории человечества. Однако в последнее время они приобретают все более массовый характер. Тесные экономические и политические связи между разными странами привели к формированию международных союзов, участники которых обладают общими интересами. В конфликт, который затрагивает одного из участников такого союза, вовлекаются все заинтересованные страны.

Источником международного конфликта может стать локальный конфликт, который начался внутри одной страны. В этом случае в противостояние вовлекаются государства, которые поддерживают одну из конфликтующих сторон. Яркими примерами такого рода являются события, произошедшие в Югославии, Грузии, Сирии, Украине. Украинский конфликт начался с политического протеста на Майдане, продолжился

переходом Крыма под юрисдикцию России и вооруженными столкновениями в Донецкой и Луганской областях. В результате активными участниками конфликта стали Россия, страны Евросоюза и блока НАТО.

Несмотря на то что международное противостояние ограничилось экономическими санкциями, в России на протяжении нескольких месяцев всерьез обсуждался вопрос о военной помощи русскоязычному населению областей, где шли военные действия. В результате этого обсуждения люди разделились на сторонников и противников военного вмешательства в украинский конфликт. Кульминацией этого обсуждения стали митинги, прошедшие в Москве весной 2014 г.

Возникает вопрос: какие факторы оказывают влияние на attitudes людей к военному вмешательству в дела других стран? Чтобы ответить на этот вопрос, в данном исследовании мы проанализировали взаимосвязь

социальных верований, национальной идентификации, авторитаризма и аттитюдов россиян к военному вмешательству в события, происходящие в Донецкой и Луганской областях Украины.

Психологические исследования, посвященные аттитюдам к военному вмешательству в дела других стран, активно проводятся на протяжении последних 30 лет. Они показали, что такие действия чаще одобряют люди с высоким уровнем национализма (уверенности в превосходстве своей страны над другими странами) и неконструктивного патриотизма (некритического одобрения любых действий своей страны на международной арене), но низким уровнем интернационализма и конструктивного патриотизма (например: McCleary, Nalls, Williams, 2009). Это позволило исследователям рассматривать военное вмешательство в дела других стран в рамках теорий, объясняющих возникновение межгрупповых конфликтов. Возникло два основных подхода в изучении аттитюдов к военному вмешательству.

Вера в опасный мир, авторитаризм и аттитюды к военному вмешательству. В основе первого — наиболее распространенного подхода лежит теория авторитарной личности Б. Альтмейера (Altemeyer, 1988). Ее сторонники определяют авторитаризм как совокупность аттитюдов, которая включает в себя авторитарное подчинение, конвенционализм и авторитарную агрессию. Авторитарное подчинение — это безусловное подчинение людям, которые занимают высокое положение в обществе и обладают легитимной властью; конвенционализм — привержен-

ность широко распространенным социальным нормам, которые одобряются легитимными авторитетами; авторитарная агрессия — безоговорочное отвержение людей, которые нарушают эти нормы. Таким образом, авторитаризм отражает некритическое принятие человеком норм, ценностей и действий, которые одобряются представителями существующей в обществе власти.

Источником авторитаризма является вера в опасный мир. Психологические исследования, проведенные в Северной Америке и Западной Европе, продемонстрировали, что чем более опасной человек считает окружающую действительность, тем выше уровень его авторитаризма (Duckitt et al., 2002; Federico, Hunt, Ergun, 2009; Jugert, Duckitt, 2009; Van Hiel, Cornelis, Roets, 2007). По мнению Дж. Даккита, это происходит, поскольку человек, верящий в непредсказуемость мира и опасность окружающих людей, ощущает угрозу своему образу жизни и стремится обрести защиту. Безоговорочное подчинение представителям власти создает у него ощущение безопасности. Иными словами, авторитаризм является своеобразной защитой от опасного и непредсказуемого мира. Таким образом, мы предположили, что чем больше жители России верят в опасный мир, тем более высоким уровнем авторитаризма они обладают (гипотеза 1).

Авторитаризм, в свою очередь, оказывает влияние на отношение человека к ингруппе и аутгруппе. Чем более авторитарен человек, тем выше он оценивает ингруппу (ингрупповой фаворитизм) и тем ниже — аутгруппу (аутгрупповая

дискриминация). Как следствие, тем больше он поддерживает действия, которые совершают представители ингруппы, и тем меньше — действия, которые совершают члены аутгруппы. Эта закономерность проявляется в том, как люди оценивают военное вмешательство. Психологические исследования показывают, что чем выше уровень авторитаризма человека, тем больше он поддерживает военное вмешательство своей страны в дела других стран (Bizumic et al., 2013; Crowson, 2009a, b; Lehmler, Schmitt, 2007; McCleary, Williams, 2009). Однако полученные результаты не дают представления о том, каким образом авторитаризм связан с аттитюдами к аналогичному вмешательству со стороны других стран. Основываясь на теории авторитарной личности, мы предположили, что чем выше уровень авторитаризма жителей России, тем более позитивно они оценивают введение на территорию Луганской и Донецкой областей Украины российских войск (гипотеза 2а) и тем менее позитивно — введение войск ООН (гипотеза 2б) и НАТО (гипотеза 2в).

Вера в добрый мир, социальная идентификация и аттитюды к военному вмешательству. В основе второго — менее распространенного подхода лежит теория социальной идентичности Г. Тешфела (Tajfel, Turner, 1986). Ее сторонники полагают, что любой человек обладает двумя типами идентичности — личной и социальной. Личная идентичность человека связана с осознанием своей уникальности, а социальная идентичность — с осознанием своей принадлежности к определенной социальной группе (категории). Со-

циальная идентичность включает в себя когнитивный (восприятие своего сходства с другими членами ингруппы) и аффективно-оценочный компонент (признание важности группы и позитивные эмоции по отношению к ней).

Степень идентификации человека со своей группой зависит от отношения со стороны одноклассников. Люди, получающие уважение и поддержку со стороны других членов группы, сильнее идентифицируются с ней, чем те, кто сталкивается с неуважением и отвержением. Эта закономерность проявляется как в кратковременных, созданных в ходе эксперимента (Renger, Simon, 2011; Simon, Sturmer, 2003), так и в долговременно существующих реальных группах — организациях (Blader, Tyler, 2009; Edwards, Peccei, 2010; Tse et al., 2012) и странах (Tyler, 2009). Оценивая отношение одноклассников, люди ориентируются как на их действия, так и на свои представления, сквозь призму которых они воспринимают текущую ситуацию. К их числу относится вера в добрый мир — убеждение в том, что мир добр и позитивен, а окружающие люди готовы оказать помощь (Janoff-Bulman, 1989). Эти верования накладывают отпечаток на восприятие как отдельных людей, так и группы в целом. Мы предположили, что чем больше жители России верят в добрый мир, тем выше уровень их национальной идентификации (гипотеза 3).

Социальная идентичность, в свою очередь, оказывает влияние на отношение к ингруппе и аутгруппе. Чем сильнее человек идентифицируется с ингруппой, тем более позитивно он оценивает одноклассников, тем

больше усилий он прикладывает, чтобы улучшить положение ингруппы (De Cremer, Van Vugt, 1999; Pearce, Herbik, 2004; Wegge et al., 2006), тем чаще он принимает участие в коллективной активности, направленной на защиту ее интересов (Sturmer, Simon, 2004a, b; van Zomeren, Postmes, Spears, 2008; van Zomeren, Spears, Leach, 2008), тем более негативно он оценивает членов аутгруппы — мигрантов и жителей других государств (Billiet et al., 2003; Brown et al., 2001; Doosje, Branscombe, 2003; Falomir-Pichastor, Garbarrot, Mugny, 2009). Мы предположили, что чем выше уровень идентификации граждан России, тем более позитивно они оценивают введение на территорию Луганской и Донецкой областей Украины российских войск (гипотеза 4а) и тем менее позитивно — введение войск ООН (гипотеза 4б) и НАТО (гипотеза 4в).

Таким образом, теории авторитарной личности и социальной идентичности предлагают два пути формирования аттитюдов к военному вмешательству в дела других стран. Первый путь идет от веры в опасный мир через авторитаризм (гипотезы 1 и 2), а второй — от веры в добрый мир через национальную идентификацию (гипотезы 3 и 4). Для изучения связи социальных верований, авторитаризма и национальной идентификации на аттитюды к военному вмешательству как способу разрешения международного конфликта мы провели эмпирическое исследование.

Метод

Выборка. Исследование проводилось в октябре–ноябре 2014 г.

Данные собирались с помощью электронного варианта опросника, размещенного на сайте <https://docs.google.com/>. Ссылка на этот опросник была размещена в группах в социальной сети «ВКонтакте», участники которых обсуждали военный конфликт на Украине: «Коротко о Главном/Политика», «Мне реально нравится Путин!/Политика, Россия», «Сопrotивление Новороссии», «Люди и политика». В исследовании приняли участие 844 человека, которые определили себя как жителей России. Шестьдесят процентов респондентов были мужчинами и 40% — женщинами. Возраст участников варьировался от 18 до 69 лет ($M = 32$; $SD = 12$).

Методики. Опросник включал в себя методики для измерения социальных верований, национальной идентификации, правого авторитаризма, а также отношения к вводу войск на территорию Донецкой и Луганской областей.

Вера в опасный мир. Для измерения этого параметра была использована русскоязычная версия одноименной методики Дж. Даккита (Duckitt et al., 2002; Гулевич и др., 2014). Опросник включал в себя шесть прямых и шесть обратных утверждений, отражающих общее отношение человека к миру, в котором он живет. Эти утверждения касались современного (например, «Наш мир — опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой», «Наш мир — это безопасное и предсказуемое место, и большинство людей не причиняют окружающим зла») и будущего (например, «Все говорит о том, что

наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос», «Люди, думающие, что землетрясения, войны и голод означают конец света, не правы; конец света еще далек») состояния общества. При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, высокий итоговый показатель свидетельствовал о вере человека в опасный мир.

Вера в добрый мир. Для измерения этого параметра была использована методика Базисных убеждений Р. Янов-Бульман (Janoff-Bulman, 1989), адаптированная для российской выборки О. Кравцовой. Методика включала в себя 32 утверждения, которые образуют три шкалы: веру в доброту мира, веру в справедливость мира и веру в позитивность Я. Респонденты должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 6 — «совершенно согласен». Участники заполняли методику целиком, однако в ходе дальнейшего анализа учитывались ответы на первую шкалу, отражающую веру в добрый мир (например, «Человек по натуре добр», «В мире больше добра, чем зла»). При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, высокий итоговый показатель свидетельствовал о вере человека в добрый мир.

Авторитаризм. Для измерения этого параметра была использована русскоязычная версия опросника правого авторитаризма С. Мак-Фарланда в адаптации О.В. Митиной и А.И. Горбуновой. Оригинальный вариант методики включает в себя 30 утверждений. В ходе предвари-

тельного анализа четыре утверждения были исключены. Таким образом, окончательная версия шкалы включала в себя 26 утверждений, отражающих три параметра авторитаризма по Б. Альтмейеру: авторитарное подчинение, авторитарную агрессию и конвенционализм (например, «Те, кто не уважает правительство, государственный флаг и другую символику, — опасные люди», «Если ребенок пренебрежительно относится к общепринятым ценностям и не признаёт авторитетов, задача родителей — вернуть его на правильный путь»). Респонденты должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 6 — «совершенно согласен». При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, высокий итоговый показатель свидетельствовал об авторитаризме.

Национальная идентификация. Для измерения этого параметра была использована шкала «Личный вклад» из русскоязычной версии опросника ингрупповой идентификации К. Лича (Leach et al., 2008; Агадуллина, Ловаков, 2013). Шкала включает в себя 10 утверждений, отражающих три параметра национальной идентификации: позитивные эмоции к гражданам России (например, «Я рад, что являюсь гражданином России»), солидарность с ними (например, «Я чувствую свою связь с гражданами России») и восприятие национальной идентичности как важной части Я-концепции (например, «Принадлежность к гражданам России — важная часть моего представления о себе»). Респонденты

должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 7 — «совершенно согласен». Высокий итоговый показатель свидетельствовал о высокой степени национальной идентификации.

Оценка эффективности введения войск в Донецкую и Луганскую области. Респондентов просили подумать о вооруженном конфликте, который происходит на Украине — в Донецкой и Луганской областях, а затем оценить, насколько этот конфликт позволит разрешить: (1) введение российских войск, (2) введение войск НАТО, а также (3) введение войск ООН. Респонденты оценивали эффективность введения войск по 7-балльной шкале от 1 — «абсолютно не эффективно» до 7 — «абсолютно эффективно».

Результаты

Средние значения, стандартные отклонения и корреляции между шкалами представлены в таблице 1. Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты считали введение на территорию Донецкой и Луганской областей войск ООН более эффективным, чем введение войск России и НАТО. Кроме того, в соответствии с поставленными гипотезами вера в добрый мир была позитивно связана с национальной идентификацией, вера в опасный мир — с авторитаризмом. Национальная идентификация и авторитаризм, в свою очередь, были позитивно связаны с оценкой эффективности введения российских войск и негативно — с введением войск НАТО и ООН. В то же время корреляционный анализ показал наличие

Таблица 1

Средние значения и корреляции между основными переменными исследования

Компонент	М	SD	1	2	3	4	5	6
1. Вера в опасный мир	2.97	0.64						
2. Вера в добрый мир	3.99	0.71	-0.276**					
3. Авторитаризм	3.18	1.07	0.352**	0.169**				
4. Национальная идентификация	4.47	1.67	0.164**	0.255**	0.781**			
5. Эффективность введения войск (Россия)	2.93	1.92	0.241**	0.020	0.575**	0.545**		
6. Эффективность введения войск (НАТО)	2.58	1.86	-0.170**	-0.055	-0.410**	-0.377**	-0.257**	
7. Эффективность введения войск (ООН)	3.45	1.83	-0.141**	-0.099**	-0.536**	-0.571**	-0.318**	0.538**

** $p \leq 0.001$.

позитивной связи между авторитаризмом и национальной идентификацией.

Проверка гипотез происходила с помощью структурного моделирования, проведенного в статистическом пакете MPlus 7. Для проверки гипотез 1 и 2 была создана структурная модель, которая включала в себя пять переменных: вера в опасный мир рассматривалась как предиктор, авторитаризм — как модератор, а оценка эффективности введения российских войск, войск НАТО и ООН — как зависимые переменные. В эту модель были включены корреляции между зависимыми переменными (рисунок 1).

Результаты показали, что эта модель соответствует полученным данным ($\chi^2 = 15.035$, $df = 3$, $p = 0.00$, CFI = 0.987, TLI = 0.956, RMSEA = 0.069, SRMR = 0.022, AIC = 17641.82, BIC = 17712.883). Согласно гипотезе 1, вера в опасный мир предсказывает уровень авторитаризма: чем больше человек верит в то, что мир опасен, тем менее критически он относится к власти. В соответствии с гипотезой 2 авторитаризм предсказывает atti-

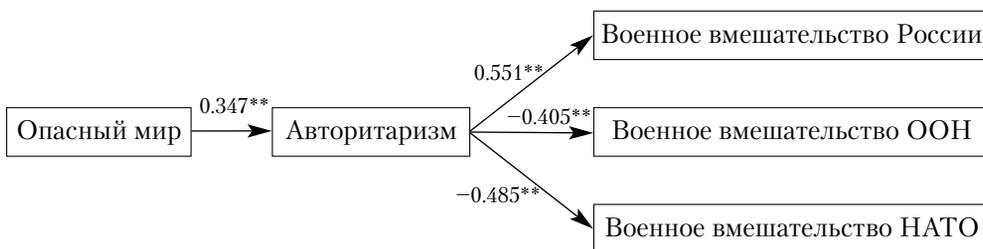
туды к военному вмешательству: чем более авторитарен человек, тем выше он оценивает эффективность введения российских войск и тем ниже — войск ООН и НАТО.

Для проверки гипотез 3 и 4 была создана структурная модель, которая также включала в себя пять переменных: вера в добрый мир рассматривалась как предиктор, национальная идентификация — как модератор, а оценка эффективности введения российских войск, войск НАТО и ООН — как зависимые переменные. В эту модель также были включены корреляции между зависимыми переменными (рисунок 2).

Результаты показали, что эта модель менее соответствует полученным данным, чем предыдущая ($\chi^2 = 25.740$, $df = 3$, $p = 0.00$, CFI = 0.973, TLI = 0.911, RMSEA = 0.095, SRMR = 0.033, AIC = 16851.805, BIC = 16922.860). Однако в соответствии с гипотезой 3 вера в добрый мир предсказывает национальную идентификацию: чем больше человек верит в то, что окружающий мир благосклонен к нему, тем сильнее он идентифицируется с гражданами России.

Рисунок 1

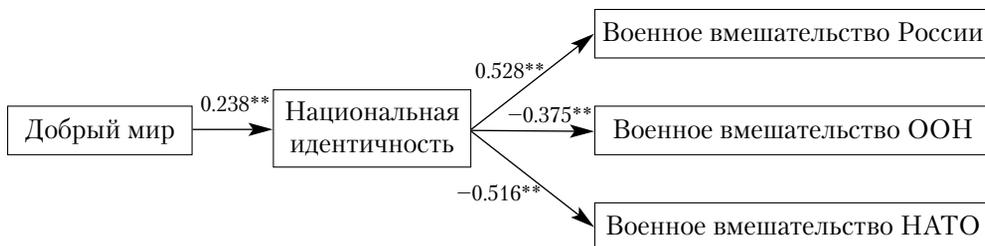
Взаимосвязь между верой в опасный мир, авторитаризмом и поддержкой военного вмешательства в украинский конфликт

** $p \leq 0.01$

Рисунок 2

Взаимосвязь между верой в добрый мир, национальной идентификацией и поддержкой военного вмешательства в украинский конфликт

** $p \leq 0.01$

Кроме того, согласно гипотезе 4, национальная идентификация предсказывает аттитуды к военному вмешательству: чем сильнее человек идентифицируется с Россией, тем выше он оценивает эффективность введения российских войск и тем ниже — войск ООН и НАТО.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании изучалась взаимосвязь между социальными верованиями, авторитаризмом, национальной идентификацией и отношением к военному вмешательству в дела других стран. Мы обнаружили, что существует два пути формирования аттитудов к военному вмешательству.

Первый путь соответствует теории авторитарной личности. Результаты нашего исследования показали, что вера в опасный мир предсказывает авторитаризм россиян. Авторитаризм, в свою очередь, предсказывает позитивные аттитуды к военному вмешательству в дела другой страны своей группы (России) и негативные аттитуды к вмешательству аутгрупп (ООН и НАТО).

В целом эти результаты соответствуют данным зарубежных исследований, которые свидетельствуют о тесной связи между авторитаризмом и межгрупповой дифференциацией (ингрупповым фаворитизмом и аутгрупповой дискриминацией). В то же время они расширяют существующее представление о связи авторитаризма с аттитудами к военному вмешательству в дела других стран.

Второй путь возникновения аттитудов к военному вмешательству соответствует теории социальной идентичности. Результаты нашего исследования показали, что вера в добрый мир усиливает национальную идентификацию россиян. Вероятно, это происходит, поскольку восприятие мира в целом накладывает отпечаток на оценку людей, с которыми человек сталкивается ежедневно. К ним, прежде всего, относятся представители больших социальных групп — этнических и национальных сообществ. При этом подобная оценка распространяется скорее на членов ингруппы, которые рассматриваются как более типичные представители человечества в целом, чем

члены аутгруппы (Haslam et al., 2008). Отношение со стороны национальной ингруппы предсказывает национальную идентификацию: чем лучше отношение к ингруппе, тем сильнее национальная идентификация.

Национальная идентификация, в свою очередь, предсказывает позитивные аттитуды к военному вмешательству своей группы (России) в дела другой страны и негативные аттитуды к вмешательству аутгрупп (ООН и НАТО). Эти результаты также соответствуют данным зарубежных исследований о связи национальной идентификации и межгрупповой дифференциации в пользу ингруппы. В то же время они восполняют пробел в изучении связи между социальной идентификацией и аттитудами к военному вмешательству в дела других стран.

Определенный интерес вызывает связь между авторитаризмом и национальной идентификацией, выявленная в ходе корреляционного анализа. Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше уровень авторитаризма, тем выше уровень национальной идентификации россиян. С одной стороны, эти результаты соответствуют данным, полученным в исследованиях с участием жителей Германии, Израиля, США и некоторых других стран (Asbrock, Fritsche, 2013; Blank, 2003; de Zavala et al., 2013; Nickerson, Louis, 2008; Pehrson et al., 2011). С другой стороны, подобная связь не обнаруживается в исследованиях, проведенных с участием австралийцев и новозеландцев (Sibley et al., 2006). Это вызывает вопрос об условиях существования этой связи.

Не менее спорным является и направление связи между авторитаризмом и национальной идентификацией. Некоторые исследователи полагают, что уровень авторитаризма является предиктором национальной идентификации (Blank, 2003). Это предположение связано с восприятием авторитаризма как относительно стабильной характеристики человека, а национальной идентичности — как относительно нестабильной особенности. В то же время результаты некоторых исследований позволяют предположить, что национальная идентичность может предсказывать уровень авторитаризма. Они показывают, что люди с сильной ингрупповой идентификацией демонстрируют более позитивное отношение к лидеру группы, особенно если он соответствует групповому прототипу (Barreto, Ellemers, 2002; Martin, Epitropaki, 2001; Neves, Caetano, 2009; Platow, Van Knippenberg, 2001; Steffens et al., 2014).

Эти результаты свидетельствуют о том, что выраженность и направление связи между авторитаризмом и национальной идентичностью обладает культурной спецификой. Вероятно, эта связь больше выражена у жителей стран, социальная идентичность которых включает в себя такой параметр, как послушание власти и следование традиционным нормам. В таких странах существует взаимосвязь между двумя путями возникновения аттитудов к военному вмешательству в дела других стран. Однако для изучения взаимосвязи между этими путями необходимы дополнительные исследования.

Литература

- Агадуллина, Е. Р., Ловаков, А. В. (2013). Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 39–153.
- Гулевич, О. А., Аникеенок, О. А., Безменова, И. К. (2014). Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 68–89.
- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
- Asbrock, F., & Fritsche, I. (2013). Authoritarian reactions to terrorist threat: Who is being threatened, the me or the we? *International Journal of Psychology*, 48(1), 35–49.
- Barreto, M., & Ellemers, N. (2002). The impact of anonymity and group identification on progroup behavior in computer-mediated groups. *Small Group Research*, 33, 590–610.
- Billiet, J., Maddens, B., & Beerten, R. (2003). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: a replication. *Political Psychology*, 24, 241–257.
- Bizumic, B., Stubager, R., Mellon, S., Van der Linden, N., Iyer, R., & Jones, B. M. (2013). On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 34, 673–693.
- Blader, S. L. & Tyler, T. R. (2009). Testing & extending the group engagement model: linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes and extra role behavior. *Journal of Applied Psychology*, 94, 445–464.
- Blank, T. (2003). Determinants of national identity in East and West Germany: an empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem. *Political Psychology*, 24, 259–288.
- Brown, R., Maras, P., Masser, B., Vivian, J., & Hewstone, M. (2001). Life on the ocean wave: testing some intergroup hypotheses in a naturalistic setting. *Group Processes and Intergroup Relations*, 4, 81–97.
- Crowson, H. M. (2009a). Nationalism, internationalism, and perceived un relevance: Mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror. *Journal of Applied Social Psychology*, 39, 1137–1162.
- Crowson, H. M. (2009b). Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology*, 40, 93–103.
- De Cremer, C., & Van Vugt, M. (1999). Collective identity and cooperation in a public good dilemma: a matter of trust or self-efficacy? *Current Research in Social Psychology*, 3(1), 1–11.
- de Zavala, A. G., Cichocka, A., & Iskra-Golec, I. (2013). Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104, 1019–1039.
- Doosje, B., & Branscombe, N. R. (2003). Attributions for the negative historical actions of a group. *European Journal of Social Psychology*, 33, 235–248.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(1), 75–93.
- Edwards, M. R., & Peccei, R. (2010). Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes. Testing a simultaneous multifoci model. *Journal of Personnel Psychology*, 9, 17–26.
- Falomir-Pichastor, J.M., Gabarrot, F., & Mugny, G. (2009). Group motives in threatening contexts: When a loyalty conflict paradoxically reduces the influence of an anti-discrimination ingroup norm. *European Journal of Social Psychology*, 39, 196–206.

- Federico, C. M., Hunt, C. V., & Ergun, D. (2009). Political expertise, social worldviews, and ideology: translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality. *Social Justice Research, 22*, 259–279.
- Haslam, N., Loughnan, S., Kashima, Y., & Bain, P. (2008). Attributing and denying humanness to others. *European Review of Social Psychology, 19*, 55–85.
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition, 7*, 113–136.
- Jugert, P., & Duckitt, J. (2009). A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology, 30*, 693–719.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology, 95*, 144–165.
- Lehmiller, J. J., & Schmitt, M. T. (2007). Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *European Journal of Social Psychology, 37*, 704–724.
- Martin, R., & Epitropaki, O. (2001). Role of organizational identification on implicit leadership theories (ILTs), transformational leadership and work attitudes. *Group Processes and Intergroup Relations, 4*, 247–262.
- McCleary, D. F., Nalls, M. L., Williams, R. L. (2009). Types of patriotism as primary predictors of continuing support for the Iraq war. *Journal of Political and Military Sociology, 37*, 77–94.
- McCleary, D. F., & Williams, R. L. (2009). Sociopolitical and personality correlates of militarism in democratic societies. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 15*, 161–187.
- Neves, P., & Caetano, A. (2009). Commitment to change: contributions to trust in the supervisor and work outcomes. *Group and Organization Management, 34*, 623–644.
- Nickerson, A. M., & Louis, W. R. (2008). Nationality versus humanity? Personality, identity, and norms in relation to attitudes toward asylum seekers. *Journal of Applied Social Psychology, 38*, 796–817.
- Pearce, C. L., & Herbig, P. A. (2004). Citizenship behavior at the team level of analysis: The effects of team leadership, team commitment, perceived team support, and team size. *The Journal of Social Psychology, 144*, 293–310.
- Pehrson, S., González, R., & Brown, R. (2011). Indigenous rights in Chile: National identity and majority group support for multicultural policies. *Political Psychology, 32*, 667–690.
- Platow, M. J., & Van Knippenberg, D. (2001). A social identity analysis of leadership endorsement: the effects of leader ingroup prototypicality and distributive intergroup fairness. *Personality and Social Psychology Bulletin, 27*, 1508–1519.
- Renger, D., & Simon, B. (2011). Social recognition as an equal: The role of equality-based respect in group life. *European Journal of Social Psychology, 41*, 501–507.
- Sibley, C. G., Robertson, A., & Wilson, M. S. (2006). Social dominance orientation and right-wing authoritarianism: additive and interactive effects. *Political Psychology, 27*, 755–768.
- Simon, B., & Sturmer, S. (2003). Respect for group members: intragroup determinants of collective identification and group-serving behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin, 29*, 183–193.
- Steffens, N. K., Haslam, S. A., & Reicher, S. D. (2014). Up close and personal: Evidence that shared social identity is a basis for the “special” relationship that binds followers to leaders. *The Leadership Quarterly, 25*, 296–313.

- Sturmer, S., & Simon, B. (2004a). Collective action: towards a dual-pathway model. *European Review of Social Psychology, 15*, 59–99.
- Sturmer, S., & Simon, B. (2004b). The role of collective identification in social movement participation: a panel study in the context of the German gay movement. *Personality and Social Psychology Bulletin, 30*, 263–277.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Chicago: Nelson-Hall.
- Tse, H. H. M., Ashkanasy, N. M., & Dasborough, M. T. (2012). Relative leader-member exchange, negative affectivity and social identification: A moderated-mediation examination. *The Leadership Quarterly, 23*, 354–366.
- Tyler, T. R. (2009). Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology, 61*, 32–39.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., & Roets, A. (2007). The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality, 21*, 131–148.
- van Zomeren, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin, 134*, 504–535.
- van Zomeren, M., Spears, R., & Leach, C. W. (2008). Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? *British Journal of Social Psychology, 47*, 353–372.
- Wegge, J., Van Dick, R., Fisher, G. K., Wecking, C., & Moltzen, K. (2006). Work motivation, organizational identification, and well-being in call centre work. *Work and Stress, 20*, 60–83.

Social Beliefs and Evaluation of Military Intervention in Other Countries Affairs: The Role of Authoritarianism and National Identification

Olga A. Gulevich

Professor, School of Psychology HSE, Leading Research Fellow, Laboratory for Experimental and Behavioural Economics HSE, Dr.Sc.
E-mail: ogulevich@hse.ru

Andrey N. Nevruv

Ph.D. student, School of Psychology HSE
E-mail: a.n.nevruv@mail.ru

Address: 20 Myasnickaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

International conflicts take place throughout the course of human history and result in serious economic and political aftermaths. Seeking to protect their interests, countries-participants use various methods of interaction: from peace negotiations to military actions. In psychological studies great attention is paid to factors that influence the support for military intervention in

other countries affairs as means of international conflicts resolution. But the data of the research have two main limitations. Firstly, they consider attitudes toward military intervention of one's own country (in-group), but not to the analogical activity of other countries (out-groups). Secondly, as the main predictor of the attitudes toward military intervention authoritarianism is studied, but not national identification. In this research two ways of formation of attitudes toward military intervention in other countries affairs were studied. According to the theory of authoritative personality we hypothesized that belief in dangerous world would predict the level of authoritarianism, which, in its turn, would predict the attitude toward military intervention of own country (in-group) and other countries (out-groups). In the same time, according to the theory of social identity we hypothesized that benevolence of the world beliefs predict the strength of national identification, which, in its turn, also predicts attitudes toward the use of military power for the resolution of international conflict. 844 Russian residents took part in the survey. They filled the on-line version of the questionnaire, which included scales of measuring the dangerous and benevolent world beliefs, right authoritarianism, national identification and attitudes toward introduction of Russian, United Nations and NATO troops in the territory of Ukraine. To test the hypotheses we used Structural Equations Modeling. It showed that the more Russians believed in the dangerous world, the higher was the level of authoritarianism. The more they believed in benevolent world, the higher was the level of national identification. The higher were the levels of authoritarianism and national identification, the more they supported the introduction of Russian troops in Ukraine and the less they supported the introduction of UN and NATO troops.

Keywords: military attitudes, Dangerous World Beliefs, Benevolence of the World Beliefs, authoritarianism, national identification.

References

- Agadullina, E. & Lovakov, A. (2013). Measurement model of in-group identification: Validation in Russian samples. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 10(4), 39–153.
- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
- Asbrock, F., & Fritsche, I. (2013). Authoritarian reactions to terrorist threat: Who is being threatened, the me or the we? *International Journal of Psychology*, 48(1), 35–49.
- Barreto, M., & Ellemers, N. (2002). The impact of anonymity and group identification on progroup behavior in computer-mediated groups. *Small Group Research*, 33, 590–610.
- Billiet, J., Maddens, B., & Beerten, R. (2003). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: a replication. *Political Psychology*, 24, 241–257.
- Bizumic, B., Stubager, R., Mellon, S., Van der Linden, N., Iyer, R., & Jones, B. M. (2013). On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 34, 673–693.
- Blader, S. L. & Tyler, T. R. (2009). Testing & extending the group engagement model: linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes and extra role behavior. *Journal of Applied Psychology*, 94, 445–464.

- Blank, T. (2003). Determinants of national identity in East and West Germany: an empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem. *Political Psychology, 24*, 259–288.
- Brown, R., Maras, P., Masser, B., Vivian, J., & Hewstone, M. (2001). Life on the ocean wave: testing some intergroup hypotheses in a naturalistic setting. *Group Processes and Intergroup Relations, 4*, 81–97.
- Crowson, H. M. (2009a). Nationalism, internationalism, and perceived un relevance: Mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror. *Journal of Applied Social Psychology, 39*, 1137–1162.
- Crowson, H. M. (2009b). Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology, 40*, 93–103.
- De Cremer, C., & Van Vugt, M. (1999). Collective identity and cooperation in a public good dilemma: a matter of trust or self-efficacy? *Current Research in Social Psychology, 3*(1), 1–11.
- de Zavala, A. G., Cichocka, A., & Iskra-Golec, I. (2013). Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology, 104*, 1019–1039.
- Doosje, B., & Branscombe, N. R. (2003). Attributions for the negative historical actions of a group. *European Journal of Social Psychology, 33*, 235–248.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology, 83*(1), 75–93.
- Edwards, M. R., & Pececi, R. (2010). Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes. Testing a simultaneous multifoci model. *Journal of Personnel Psychology, 9*, 17–26.
- Falimir-Pichastor, J.M., Gabarrot, F., & Mugny, G. (2009). Group motives in threatening contexts: When a loyalty conflict paradoxically reduces the influence of an anti-discrimination ingroup norm. *European Journal of Social Psychology, 39*, 196–206.
- Federico, C. M., Hunt, C. V., & Ergun, D. (2009). Political expertise, social worldviews, and ideology: translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality. *Social Justice Research, 22*, 259–279.
- Gulevich, O., Anikeenok, O., & Bezmenova, I. (2014). Social beliefs: Adaptation of J. Duckitt’s scales. *Psychology Journal of the Higher School of Economics, 11*(2), 68–89.
- Haslam, N., Loughnan, S., Kashima, Y., & Bain, P. (2008). Attributing and denying humanness to others. *European Review of Social Psychology, 19*, 55–85.
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition, 7*, 113–136.
- Jugert, P., & Duckitt, J. (2009). A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology, 30*, 693–719.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebl, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology, 95*, 144–165.
- Lehmiller, J. J., & Schmitt, M. T. (2007). Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *European Journal of Social Psychology, 37*, 704–724.

- Martin, R., & Epitropaki, O. (2001). Role of organizational identification on implicit leadership theories (ILTs), transformational leadership and work attitudes. *Group Processes and Intergroup Relations*, 4, 247–262.
- McCleary, D. F., Nalls, M. L., & Williams, R. L. (2009). Types of patriotism as primary predictors of continuing support for the Iraq war. *Journal of Political and Military Sociology*, 37, 77–94.
- McCleary, D. F., & Williams, R. L. (2009). Sociopolitical and personality correlates of militarism in democratic societies. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 15, 161–187.
- Neves, P., & Caetano, A. (2009). Commitment to change: contributions to trust in the supervisor and work outcomes. *Group and Organization Management*, 34, 623–644.
- Nickerson, A. M., & Louis, W. R. (2008). Nationality versus humanity? Personality, identity, and norms in relation to attitudes toward asylum seekers. *Journal of Applied Social Psychology*, 38, 796–817.
- Pearce, C. L., & Herbig, P. A. (2004). Citizenship behavior at the team level of analysis: The effects of team leadership, team commitment, perceived team support, and team size. *The Journal of Social Psychology*, 144, 293–310.
- Pehrson, S., González, R., & Brown, R. (2011). Indigenous rights in Chile: National identity and majority group support for multicultural policies. *Political Psychology*, 32, 667–690.
- Platow, M. J., & Van Knippenberg, D. (2001). A social identity analysis of leadership endorsement: the effects of leader ingroup prototypicality and distributive intergroup fairness. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27, 1508–1519.
- Renger, D., & Simon, B. (2011). Social recognition as an equal: The role of equality-based respect in group life. *European Journal of Social Psychology*, 41, 501–507.
- Sibley, C. G., Robertson, A., & Wilson, M. S. (2006). Social dominance orientation and right-wing authoritarianism: additive and interactive effects. *Political Psychology*, 27, 755–768.
- Simon, B., & Sturmer, S. (2003). Respect for group members: intragroup determinants of collective identification and group-serving behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29, 183–193.
- Steffens, N. K., Haslam, S. A., & Reicher, S. D. (2014). Up close and personal: Evidence that shared social identity is a basis for the “special” relationship that binds followers to leaders. *The Leadership Quarterly*, 25, 296–313.
- Sturmer, S., & Simon, B. (2004a). Collective action: towards a dual-pathway model. *European Review of Social Psychology*, 15, 59–99.
- Sturmer, S., & Simon, B. (2004b). The role of collective identification in social movement participation: a panel study in the context of the German gay movement. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 30, 263–277.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Chicago: Nelson-Hall.
- Tse, H. H. M., Ashkanasy, N. M., & Dasborough, M. T. (2012). Relative leader-member exchange, negative affectivity and social identification: A moderated-mediation examination. *The Leadership Quarterly*, 23, 354–366.
- Tyler, T. R. (2009). Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology*, 61, 32–39.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., & Roets, A. (2007). The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality*, 21, 131–148.

- van Zomeren, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin, 134*, 504–535.
- van Zomeren, M., Spears, R., & Leach, C. W. (2008). Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? *British Journal of Social Psychology, 47*, 353–372.
- Wegge, J., Van Dick, R., Fisher, G. K., Wecking, C., & Moltzen, K. (2006). Work motivation, organizational identification, and well-being in call centre work. *Work and Stress, 20*, 60–83.